

УДК 94(470.41)"1941/45"

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.Ш. Кабирова

Аннотация

Статья посвящена теме повседневной жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны. Анализ архивных документов и материалов, фактически замалчиваемых ранее по идеологическим соображениям, позволяет во многом по-новому рассмотреть проблемы продовольственного снабжения людей в военный период, вскрыть имевшиеся в этой системе недостатки, оценить эффективность карточной системы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республика Татарстан, продовольственное обеспечение, карточная система, рыночная торговля, спекуляция, огородничество, отделы рабочего снабжения.

В современных условиях в российской исторической науке усилился интерес к темам, связанным с повседневной жизнью людей в различные периоды. Изучение качества и уровня жизни населения, организации его быта и досуга дает возможность ученым адекватно реконструировать события прошлого, отражая исторические процессы во всем их многообразии.

Нового, комплексного рассмотрения требуют, в частности, вопросы повседневности в кризисные моменты развития общества, так как в советской историографии именно они были менее всего востребованы. Особой страницей в истории нашей страны являются годы Великой Отечественной войны. Эта тема, несмотря на то что она всегда относилась к числу важнейших в отечественной историографии, не была свободна от конъюнктурных мифов и идеологизированных штампов. К тому же в советскую эпоху при ее изучении господствовал эконоцентристский подход. При этом вопросы ежедневной жизни людей, касавшиеся их материального достатка, снабжения продуктами и товарами первой необходимости, бытовых условий и т. д., как правило, оставались за гранью внимания исследователей.

В данной статье мы задались целью восполнить имеющиеся в историографии военной темы пробелы, проанализировав пути и формы снабжения населения Республики Татарстан продовольствием в указанный период. Надеемся, что привлечение новых архивных документов и материалов позволит во многом по-новому взглянуть на события более чем шестидесятилетней давности, представить объективную картину неоднозначного и противоречивого военного времени.

Хорошо известно, что в годы Великой Отечественной войны продовольственная проблема превратилась в одну из определяющих в советском государстве. С целью ее эффективного разрешения была перестроена система снабжения и организован переход к новым формам торговли. В стране произошло усиление централизации хозяйственного и партийного руководства. Планы реализации продовольствия по стране, определение контингентов снабжаемого населения, распределение фондов – все это находились под постоянным контролем государственных и партийных органов.

Уже летом 1941 г. с целью преодоления дефицита основных продуктов во многих городах СССР была введена карточная система [1, с. 549–551]. В Татарстане 25 августа 1941 г. было принято постановление о продаже по карточкам хлеба, сахара и кондитерских изделий, согласно которому карточки вводились для населения Казани, Зеленодольска, Бугульмы, Мензелинска, Чистополя и ряда других городов. Начиная с ноября 1941 г. по карточкам начали отпускаться также мясо, рыба, крупа, макароны [2, с. 93].

По нормам снабжения все население было разделено на 4 группы: рабочие и приравненные к ним; служащие и приравненные к ним; иждивенцы; дети до 12 лет. Существовала также дифференциация по социально-производственному принципу. Преимущественным правом пользовались работники отраслей народного хозяйства, имеющих решающее значение в укреплении оборонной мощи государства. Они относились к первой категории снабжения. По второй обеспечивались рабочие и ИТР остальных промышленных предприятий, транспорта и связи. В среднем на рабочего в Татарстане полагалось 500–900 г хлеба в день, 1,8 кг мяса или рыбы, 1,2 кг крупы или макаронных изделий, 0,4 кг жиров в месяц. Служащие, иждивенцы и дети получали меньше этих норм [3, с. 19].

Однако не всем торговым организациям удавалось обеспечивать оперативное снабжение населения продовольствием. Были перебои с хлебом, солью, в магазинах наблюдались длинные очереди. На хлебозаводах и пекарнях постоянно нарушался суточный график выпечки хлеба, не была налажена подвозка муки и топлива. Например, согласно архивным материалам, в результате недостаточной работы хлебовыпекающих предприятий треста «Росглавхлеб» жители Казани в 1942 г. систематически испытывали перебои в снабжении наиболее важным для их жизни продуктом. Только за пять апрельских дней этого года торгующая сеть столицы Татарстана недополучила от хлебозаводов 175 т хлеба [4, л. 59]. В Альметьевском районе Татарстана в 1943 г. выдача хлеба эвакуированным производилась с нарушениями от 3 до 8 дней ежемесячно, а с 1 октября по 21 ноября того же года была зафиксировано произвольное занижение положенных норм хлеба, когда вместо 400 г хлеба выдавалось только по 300 [5, л. 148]. Во многом это было связано с неудовлетворительной работой трестов «Главмука» и «Мельтрест», не вырабатывавших предусмотренное планами количество муки, а также ненадлежащей эксплуатацией имеющегося в наличии этих организаций транспорта, призванного обеспечивать подвоз продуктов для выпечки хлеба. Так, из 23 исправных автомашин треста «Росглавхлеб» в работе были задействованы не более 8–10 машин, а из 177 лошадей – лишь 120–130 [4, л. 59 об.].

Большие нарекания со стороны как руководства, так и населения вызывала также практика распределения карточек. Контроль за их расходованием был поставлен неудовлетворительно, в результате чего были отмечены злоупотребления с карточками, случаи их хищения. Например, на заводе № 22 г. Казани в цехе № 9 у ответственной за выдачу карточек Вилковой в декабре 1942 г. была установлена недостача в 499 карточек, у Белоконь – в 584 карточки [6, л. 50–51]. Управляющая домоуправлением № 417 Ефимова путем заполнения стандартных справок на вымышленных лиц за май – август 1943 г. получила из Свердловского районного карточного бюро г. Казани 125 карточек, управляющий домоуправлением № 317 Молотовского района Антонов таким же путем присвоил 11 карточек, управляющая домоуправлением № 156 Рычкова – 89 карточек и т. п. [7, л. 34–35]. Кроме того, были выявлены случаи выдачи карточек на давно умерших людей или граждан, не проживавших в республике. В итоге, по далеко не полным учтенным данным, только за 8 месяцев 1943 г. по республике было похищено карточек на 33864 кг хлеба, 2951 кг мясопродуктов, 720 кг жиров, 2163 кг крупы, 720 кг сахара и кондитерских изделий [7, л. 33].

Критическое положение в системе учета, хранения и выдачи карточек стало поводом для организации целого ряда проверок. В ходе их проведения было установлено, что работа карточных и контрольно-учетных бюро в Татарстане не была налажена должным образом: на работу принимались лица, не имеющие никакой подготовки, подбор осуществлялся без тщательного отбора, личные дела на работников не заводились. В 1943 г. работа 12 из 20 карточных бюро республики никем ни разу не проверялась [7, л. 35]. В определенной степени хищение карточек было вызвано неудовлетворительной системой их хранения: не были оборудованы специальные помещения, не установлены железные решетки на окна и двери, не хватало несгораемых сейфов и т. д. Были вскрыты недостатки и при изготовлении самих карточек. В Татполиграфе, где производилось их печатание, обрезки и отходы узорной бумаги не учитывались, существовала возможность хищения шрифта, красок для печатания фальшивок, не велось ежедневного учета о приходе, расходе и остатках карточек.

Поскольку аналогичное положение наблюдалось во многих областях и республиках, в январе 1943 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». В соответствии с ним СНК ТАССР и Обком ВКП(б) Татарстана 18 февраля 1943 г. опубликовали свою директиву за № 255 о порядке печатания и хранения карточек. Принятие этих документов позволило дисциплинировать работу карточных бюро.

Другим источником обеспечения граждан республики продовольствием в годы войны являлись отделы рабочего снабжения (ОРСы). Они создавались при заводоуправлениях крупных промышленных предприятий оборонного значения согласно постановлению правительства от 19 февраля 1942 г. Функции ОРСов заключались в торговом, бытовом обслуживании и питании занятых на производстве работников и членов их семей. При большинстве ОРСов были организованы подсобные хозяйства, теплицы и т. д. К весне 1942 г. промышленные предприятия Татарстана имели 650 подсобных хозяйств, причем их посевные площади из года в год увеличивались [8, с. 134].

Важное место в снабжении населения овощами и картофелем занимало индивидуальное и коллективное огородничество. В марте 1942 г. постановление ВЦСПС обязало все профсоюзные организации возглавить движение по его развитию. На промышленных предприятиях и в учреждениях создавались специальные огородные комиссии, обязанностью которых являлось распределение земель под огороды, обучение людей азам возделывания овощных культур, организация коллективной закупки семян. В результате активной пропагандистской кампании количество огородников быстро увеличивалось, достигнув к 1944 г. 145 тысяч человек [9]. Выращенный на огородах урожай являлся большим подспорьем в обеспечении семей рабочих продовольствием.

Привлечение обозначенных децентрализованных ресурсов позволило расширить систему общественного питания, которое можно рассматривать как еще один источник снабжения продовольствием населения Татарстана. Напряженный труд рабочих на производстве, нередко в 2–3 смены, без перерывов и отдыха, требовал создания соответствующих условий. В этом отношении правильно организованное питание имело довольно большое значение. И действительно, на многих предприятиях данная работа была хорошо поставлена. Так, на заводе № 22 им. С.П. Горбунова, кроме фабрики-кухни, были открыты 24 цеховые «раздатки», столовая для стахановцев-многостаночников, диетическая столовая и столовая для туберкулезных больных. Для молодых рабочих и работниц, прибывших из школ ФЗО и ремесленных училищ, было организовано дополнительное питание (обед и ужин из 2-х блюд) [10, л. 21].

Но на некоторых предприятиях стремление угодить начальству приводило к совершенно недопустимой дифференциации в нормах питания. Такое положение сложилось, например, на казанском заводе № 16, где была организована работа столовых 4-х типов: для высшего командного состава, среднего комсостава, отдельно для инженерно-технических работников и для рабочих. В то время как для основной массы рабочих готовился стандартный обед – суп-лапша и каша-овсянка, в столовые высшего и среднего комсостава передавался весь фонд отпускаемых для общественного питания высокоценных продуктов [6, л. 113–115].

Справедливости ради следует отметить, что нарекания к меню имелись у рабочих многих предприятий. В материалах проверок, проводимых профсоюзными организациями, нередко приготовленное характеризовалось как блюда «низкой калорийности, исходящие лишь из норм продовольственной карточки рабочего и служащего» [11, л. 11]. В отчете профкома завода «Серп и молот» заявлялось, что в «мартеновском цехе завода в течение двух недель в меню была лишь капуста» [12, л. 67]. На партийном активе завода № 22 рабочие в своем выступлении откровенно указывали: «Кормят на фабрике-кухне и столовых плохо, пищу готовят однообразную и невкусную, нет зелени и овощей. На первое подают макароны и вермишель, а на второе кашу из крупы, и, наоборот, на следующий день – суп из ячневой крупы на первое и на второе – макароны. Безусловно, такое меню никого не удовлетворяет» [13, л. 73].

Положение усугубляли вскрывшиеся в системе работы ОРСов и общественного питания случаи хищения и разбазаривания продуктов. Так, на заводе № 22 за три месяца работы отдела рабочего снабжения предприятия незаконно

было отпущено разным лицам 372 кг мяса, 432 кг конфет, 1213 кг белой муки, 130 кг сыра, 354 кг сахара и прочих дефицитных продуктов. Достаточно было лишь предъявить записку от начальника социально-бытового отдела следующего характера: «Прошу устроить – известно». И такие факты, когда руководители базы через фабрики-кухни пропускали оплату счетов за продукты, в то время как эти продукты совершенно не попадали в столовую, а распределялись через базу по частным запискам, были не единичны [6, л. 111–116].

Крупные случаи группового воровства и хищения продуктов наблюдались также в системах «Заготзерно», «Главмука», районных потребсоюзах. В связи с тем, что отпуск продуктов со складов проводился обезличенно, без документов, удостоверяющих личность получателя, ежемесячно возчики трестов «Заготзерно» и «Главмуки» расхищали более 8 т хлеба. В целом за 1943 г. хищения и недостачи в системе «Заготзерно» составили свыше 6.5 тыс. ц зерна, по предприятиям «Главмука» – 1784 ц [14, л. 42].

Эти документы и материалы позволяют по-новому взглянуть на картину реальной действительности военного времени. Экстремальные условия раскрывали истинную сущность каждого человека, его мысли и чувства. Рядом с патриотично настроенными гражданами, отдававшими последние силы и средства ради победы, жили и те, для кого война стала источником наживы. Ранее факты, дискредитировавшие советского человека, не укладывались в заданные границы исследований. Сегодня, выйдя за рамки канонов советской историографической традиции, мы пытаемся показать войну как многомерное явление, в котором находилось место и подвигу, и низменным чувствам.

Конечно, руководящие органы республики неоднократно высказывали свою обеспокоенность участвовавшими случаями растрат, хищений и разбазариваний продовольственных товаров. На заседаниях государственных и партийных органов периодически рассматривались вопросы, связанные с распределением продовольствия в республике. В постановляющей части протоколов специально указывалось на необходимость ужесточения борьбы с подобными явлениями, усиления контроля за работой торгующих организаций, укрепления кадровой политики. Благодаря принятию соответствующих мер причины этих явлений и обстоятельства, попустительствующие преступным элементам, хотя и медленно, но все же устранялись.

Дополнительным источником удовлетворения спроса населения в продовольствии была рыночная торговля. Но в связи с тем, что в военное время уровень товарооборота на рынках республики значительно снизился, продажа хлеба и других продуктов без карточек осуществлялась по повышенным ценам. В начале 1942 г. колхозная торговля в г. Казани приняла особенно напряженный характер. Привозы продуктов из колхозов существенно сократились. Так, в первом полугодии 1942 г. завоз сельскохозяйственных продуктов составил только 55% к количеству продукции, ввезенной за такой же период 1941 г. [15, л. 3]. Колхозы Балтасинского района в течение месяца ввозили лишь 0.4 т продуктов, Тюлячинского – 3.4 т, Столбищинского – 3.7 т, Пестречинского – 6.6 т [4, л. 62]. С целью исправления ситуации специальным решением республиканского обкома ВКП(б) от 8 апреля 1942 г. в районы были направлены уполномоченные, задачей которых являлась организация привоза продовольствия на рынки городов

Татарстана. Эти меры привели к некоторому улучшению положения: например, колхозы Атнинского и Арского районов количество отправляемых на продажу продуктов увеличили до 54,2 т в месяц [4, л. 63].

Но, несмотря на значительные усилия по увеличению объемов продаж со стороны руководящих органов, цены на продукты все годы войны, и особенно в первый ее период, оставались очень высокими. Например, стоимость 1 кг картофеля за два года войны в Татарстане выросла с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины – с 28 до 280 руб., свинины – с 28 до 250 руб. [16, л. 7] В среднем по стране цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз. Только в 1944 г. введение коммерческой торговли привело к некоторому снижению цен на колхозных рынках [2, с. 99].

При этом официальная среднемесячная зарплата рабочих, ИТР, служащих в начале войны составляла 375 руб., к концу ее – 573 руб. [17, с. 25]. В оборонной промышленности уровень заработной платы был выше, чем в других отраслях народного хозяйства. На казанском заводе № 16 зарплата рабочих в 1944 г. равнялась 776 руб. [18, л. 17], но в то же время работники сферы образования и культуры получали 160–180 руб. [5, л. 88]. Таким образом, анализ архивных документов показывает, что на заработанные на производстве средства жители республики с большим трудом сводили концы с концами. К тому же из этих денежных доходов они должны были оплачивать коммунальные счета, различного рода налоги, участвовать в движении помощи фронту.

Отсутствие достаточного количества продуктов питания являлось почвой для спекулятивных действий отдельных граждан. Торговля с рук приняла в военный период широкие размеры на всех рынках Татарстана. Торговали и фондовыми продуктами, и продукцией со своего огорода. Так, в 1941 г. была предана суду и осуждена по ст. 107 Уголовного Кодекса гражданка Шайхутдинова Мамдуха, проживавшая в поселке Юдино. Имея возможность приобретать хлеб через своего мужа, работающего возчиком продуктов столовой станции Юдино, она занималась спекуляцией хлебом. Буфетчица станции Казанской железной дороги А.П. Михайлычева тоже была привлечена к уголовной ответственности за то, что, получив 537 кг хлеба для обеспечения эвакуированных, часть хлеба продала по повышенной цене своим знакомым, а разницу от выручки присвоила [19, л. 76]. По аналогичным случаям были составлены протоколы задержания работников маслозавода, рабочих промышленных предприятий, колхозников.

Сотрудники правоохранительных органов регулярно проводили рейды на рынках городов республики, выявляя нарушителей закона. Но сил милиции было недостаточно. В своих отчетах милиционеры отмечали, что необходимо активное участие в этой работе самого населения, так как специальные наряды в количестве 2–3 человек, занятых выявлением спекулирующих граждан, явно не могли справиться с ситуацией. Нередко из-за недостатка времени и контингента, даже в случае задержания, нарушителей отпускали, ограничиваясь наложением штрафа без применения более серьезных санкций [20, л. 102–104]. И все же отдельным гражданам пришлось предстать перед судом. Так, за первый квартал 1942 г. органами милиции к ответственности за спекуляцию были привлечены 428 человек, из них осуждены 233, во втором квартале из 669 привле-

ченных были осуждены 441, в третьем, соответственно, из 487 человек 238 [21, л. 65].

Но, к сожалению, в военные годы наказания применялись не только к действительно провинившимся гражданам. Нередко причинами арестов или наложения штрафов становились недостаточно «патриотичные», по мнению администрации, действия людей. Особенно эти явления были распространены в сельском хозяйстве. Колхозники, работая на сортировке семян, в специально изготовленных мешочках уносили зерно или после трудовой вахты на полях прихватывали в карманах одну картофелину [22, л. 20]. Вообще, следует отметить, что так называемая статья «за колоски» в военные годы была самой распространенной при аресте крестьян. Но жители деревни шли на эти преступления, квалифицировавшиеся как хищение социалистической собственности, так как материально-бытовое положение их семей было настолько тяжелым, что другого выхода просто не оставалось.

Дело в том, что обеспечение сельского населения продовольствием не подпадало под действие закона о нормированном государственном снабжении. Карточная система была введена в основном в городах. Крестьянам карточек не полагалось. Их рацион зависел исключительно от количества выработанных ими трудодней. Исключение составляли лишь представители сельской интеллигенции, инвалиды и эвакуированные граждане. В народе трудодни нередко назывались «палочками», так как, несмотря на то, что они регистрировались бригадами, их продовольственный эквивалент можно было получить не сразу, а только после сбора урожая и сдачи его запланированного объема государству.

Но даже при выполнении производственных заданий не всегда можно было надеяться на справедливое вознаграждение. В архивах республики отложилось значительное количество документов, отражавших несовершенную систему в деле учета и записи трудодней. Нередко трудовые книжки колхозникам не выдавались или же в них не производились необходимые записи, в связи с чем при распределении натуральных выплат допускались грубые нарушения. Весьма показательными являются ситуации в Дрожжановском районе Татарстана, вскрытые в ходе проверки выполнения постановления СНК СССР «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» в августе 1943 г. В результате запущенности учета и грубого извращения порядка авансирования колхозников, введения пайковой системы выдачи хлеба за выход на работу в ряде колхозов дезорганизаторы трудовой дисциплины получали хлеба больше, чем добросовестно работающие колхозники. Например, в колхозе «Кзыл Юл» колхозница Салимзянова, не выработавшая обязательного минимума (в 1942 г. она имела 95 трудодней), хлеба получила 208 кг, а колхозница Муселямова, имевшая 282 трудодня, получила всего лишь 128 кг. В колхозе «Первое мая» колхозница Назмиева за 1942 год выработала 77 трудодней, но хлеба получила 138 кг, в то время как Алиуллина, выработав 221 трудодень, хлеба получила 66 кг. Аналогичные факты имели место в колхозах «Кряшче», имени Калинина [23, л. 23].

В целом выдача продовольствия колхозникам по сравнению с довоенным периодом сократилась почти в три раза. Сельчанин получал из колхоза в день меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля [24, с. 247]. Недоедание и голод

стали спутниками военных лет. Многие крестьяне пытались выжить за счет приусадебных участков. Однако личное подсобное хозяйство подрывалось высоким сельхозналогом. Платить приходилось за посевы картофеля, овощей, за сады... Предусмотренные же государством ничтожно малые суммы денежной оплаты труда сельских жителей практически сразу изымались у них в виде добровольно-принудительных военных займов.

Таким образом, изучение архивных документов и материалов позволяет сделать вывод о том, что проблема продовольственного снабжения жителей республики в военные годы стояла чрезвычайно остро. Военная обстановка сказалась на динамике розничного товарооборота и на его структуре: резко сократился привоз продуктов, повысились цены. Положение усугублялось просчетами чиновников, должностными злоупотреблениями, растратами и хищениями в системе потребкооперации. Государственные и партийные органы направляли свои усилия на выправление и разрешение тяжелой продовольственной ситуации, предложив целый комплекс мероприятий, но объективные и субъективные трудности и лишения военного времени не привели к сколько-нибудь существенному улучшению качества и уровня жизни населения Татарстана.

Summary

A.Sh. Kabirova. Food Supplies to Tatarstan Population during the Great Patriotic War.

The article regards an actual topic of Soviet people's daily life during the Great Patriotic War. The analysis of archive documents and materials used in the work allows presenting a new view upon the problem of food supplies during wartime, highlighting the disadvantages of the system, and evaluating the efficiency of the card system.

Key words: Great Patriotic War, the Republic of Tatarstan, food supplies, card system, market trading speculation, stealing from private farming lands, workers' supplies departments.

Литература

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): в 6 т. – М.: Воениздат, 1961–1965. – Т. 2. – 578 с.
2. Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. – Казань: Тат. книжн. изд-во, 1977. – 296 с.
3. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945: в 2 вып. – М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1994. – Вып. 1. – 125 с.
4. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 372.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р-3610. – Оп. 1. – Д. 329.
6. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 472.
7. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 717.
8. Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Казань: Книга Памяти, 2000. – 399 с.
9. Кзыл Татарстан. – 1944. – 22 марта, 30 июля.
10. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 840. – Оп. 1. – Д. 387.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-5451. – Оп. 31. – Д. 155.
12. ГА РФ. – Ф. Р-5451. – Оп. 31. – Д. 33.
13. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 840. – Оп. 1. – Д. 476.
14. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 704.
15. НА РТ. – Ф. Р-3542. – Оп. 1. – Д. 31.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 88. – Д. 232. – Ч. 1.
17. *Соколов А.К.* Влияние войны на социально-трудовые отношения на советских предприятиях // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. – М.: Наука, 2005. – 567 с.
18. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 4894. – Оп. 1. – Д. 115.
19. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 147.
20. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 146.
21. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 473.
22. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 1182.
23. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 698.
24. *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г.* История Татарстана. XX век. IV часть. – Казань: Хэтер, 1998. – 416 с.

Поступила в редакцию
15.08.08

Кабилова Айслу Шарипзяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.
E-mail: aikabirova@mail.ru